

дающего. Когда сотрудников посольства выпустили, их оказалось 186 человек, а единственным немцем среди них был депутат, адвокат д-р Оскар Кон. Посольство село на специальный поезд и доехало до станции Борисов между Вильной и Минском, где поезд остановился и генерал фон Фалькенгайн, командующий на Северо-Востоке, приказал окружить его двумя ротами солдат. Они должны были оставаться там до тех пор, пока российская сторона не освободит наши представительства в Москве и Петербурге и они не будут обменены на посольство.

Обмен представительств состоялся через 3 недели, до тех пор российскому посольству пришлось сидеть в Борисове. Он произошел на открытом участке, когда с каждой стороны подъехал поезд и их пассажиры затем пересели.

Тем временем в Германии произошла революция».

Германская Ноябрьская революция 1918 г. вынуждает кайзера к отречению, как российская Февральская революция 1917 г. вынудила к этому шагу царя. Кайзер бежит в Голландию. Царь уже расстрелян.

Германо-советские тайные нечистые дела так и не завершаются, по крайней мере в XX в., даже тогда, когда их снова приходится называть германо-российскими.

НА ТРИНАДЦАТИ САНЯХ В АМЕРИКУ

Назад к первоначальной истории: Эдгару Сиссону с группой американских дипломатов удалось перебраться через линию фронта «красных» и «белых», воевавших друг с другом в финской гражданской войне. Бегство на санях продолжается. 13 лохматых пони все еще тянут свои полозья по белому, покрытому льдом и снегом побережному ландшафту Юго-Западной Финляндии. Караван извивается от косы к косе, от острова к острову, тянется по заснеженной суше, а затем опять далеко в море по замерзшей воде Ботнического залива. Едут все время на север, по кратчайшему возможному пути вдоль берега. Цель — финско-шведская пограничная станция Торнио—Хапаранда далеко на севере, на расстоянии всего 90 миль от Северного полярного круга.

Караван состоит из доброй дюжины американских дипломатов, сотрудников посольства, торговцев и их жен, супружеской пары румынского атташе и курьера норвежской миссии в Петрограде. Все эти люди, крепко укутанные из-за ледяного холода, бегут из Петрограда.

Старый достопочтенный Санкт-Петербург превратился в эти мартовские дни 1918 г. в сущий политический ад. Вследствие продолжающегося уже несколько месяцев политического противоборства вокруг мирного договора между Германией, ее союзниками и новой советской властью в России в столице нового государства царит лихорадочная нервозность. Не только голод заставляет отчаяваться людей в эту суровую четвертую военную зиму — слухи, что немцы разорвут нынешнее перемирие и бросят свою армию в наступление на Петроград, тоже сеют страх и тревогу в городе.

Многие посольства и миссии таких союзных России стран, как Франция, Англия и США, также покидают свои здания и пытаются как-то выбраться в нейтральное зарубежье. Одни отправляются в путь через Сибирь к тихоокеанскому порту Владивосток, другие избирают трудный маршрут между фронтами финской гражданской войны через Финляндию в Швецию.

Один из людей этого подозрительного сообщества беженцев, спешащих вдоль зимнего побережья Финляндии, особенно нервозен и спешит больше всех остальных. Это Эдгар Сиссон, специальный представитель 28-го президента США Томаса Вудро Вильсона. Еще в ночь перед несколько поспешным отъездом из Петрограда 3 марта 1918 г. Сиссону удалось благодаря внезапному нападению оплаченных им русских достать секретные бумаги российского правительства, указывающие на заговор большевиков и немцев, который направлен против политических целей Франции, Англии и США.

Эти доказательства тайного сотрудничества германского Генерального штаба, Министерства иностранных дел и руководства Рейха с руководящими функционерами большевиков произведут при обнародовании в США впечатление разорвавшейся бомбы, в этом Сиссон убежден уже теперь. Сиссон тайно передал хорошо упакованные бумаги норвежскому курьеру

из группы дипломатических беженцев, т. к. едва ли можно опасаться, что норвежец, дипкурьер нейтральной страны, подвергнется контролю российских постов на границе у Торнио, последней финско-российской станции.

Поскольку до сих пор в ходе бегства через территорию боев красных и белых финнов, продолжающегося уже пару недель, в конце концов все складывалось удачно, даже рискованный переход через фронт на замерзшем озере прошел без осложнений, американец надеется, что теперь до шведской границы больше не будет больших трудностей и он сможет доставить свои бумаги в Вашингтон невредимыми.

Восьмичасовая, почти бесконечная езда на санях проходит в этот день, 25 марта 1918 г., без инцидентов и пауз. Только однажды, у маленького селения, возникшего как оазис из снежной пустыни, были сменены пони и сани, перегружена сотня мест дипломатического багажа, и вновь в путь, через пустынный ледяной прибрежный ландшафт. Около 22 часов вечера первые сани все же несколько растянувшегося каравана, наконец, достигают селения Кристинестад. Лишь в полночь прибывают последние сани с багажом. В Кристинестаде располагается дивизионная ставка белофинских вооруженных сил, и американцу Сиссону кажется, что жители здесь особенно дружески настроены к немцам.

Сиссон вздрагивает, когда очень гостеприимные финны усаживают американскую дипломатическую группу именно за тот длинный стол, где уже сидят 30 тех высоко ценимых молодых «финских егерей». Эти обученные в Локштедте (Шлезвиг-Гольштейн) строгой военной дисциплине добровольцы из Финляндии и Швеции теперь, в качестве офицеров, готовят солдат в финской армии генерала Маннергейма. Настроение в столовой «ледяное», как замечает Сиссон, и никто из обеих групп не обменивается за столом с кем-то из «других» ни единым словом. Не прощаясь, все покидают стол. Расположенные к немцам финны видят в американцах представителей вражеской державы на этой войне.

Но старшие финские офицеры в ставке выдают всем из группы дипломатов необходимые паспортные разрешения для даль-

нейшей поездки на следующий день. Поскольку от Кристина-стада опять имеется железнодорожное сообщение, дипломаты вместе с горами своего багажа могут ехать дальше и на обычном пассажирском поезде. Незадолго до полуночи 26 марта группа после нескольких часов езды прибывает в маленький населенный пункт Суниоки. Здесь Сиссон впервые чувствует себя снова «в западном мире», поскольку их сердечно приветствует лейтенант Торлинг, ради безопасности направленный из миссии США в Стокгольм им навстречу. Сиссон думает в основном о своих секретных бумагах и считает их теперь, ввиду присутствия лейтенанта, все же как-то защищенными на крайний случай. Правда, он и далее оставляет бумаги под дипломатической опекой курьера-норвежца, которого постоянно держит в поле зрения.

Американский лейтенант позаботился о ночлеге в маленьком городке, и на следующий день они едут еще 290 миль на север по железной дороге, до северного пограничного пункта Торнио. Поскольку поезд прибывает на место уже около полуночи, все из группы путников остаются до утра в вагонах.

Утром 27 марта 1918 г. Эдгар Сиссон и норвежский курьер ступают на другом берегу пограничной реки Торнио-Йоки — Турне-Эльв, в Хапаранде, на шведскую землю. Сиссона охватывает чувство облегчения. Теперь он смотрит на своего курьера весело и дружелюбно.

Всего Сиссону потребовалось 24 дня, чтобы добраться с Финляндского вокзала в Петрограде досюда, до нейтральной шведской территории, подсчитывает он.

(Кстати, посол США Дэвид Р. Фрэнсис вместе с небольшим штабом сотрудников своего посольства и несколькими коллегами-дипломатами из других миссий смог выехать 27 февраля на специальном поезде, разрешенном Лениным, с Николаевского вокзала в направлении Сибири, на расстояние 5470 миль до Владивостока, порта на Тихоокеанском побережье.)

Три с лишним недели назад, вспоминает Сиссон здесь, в шведском пограничном пункте Хапаранда, он еще брел по снегу в переднем дворе Смольного. Он, наполовину дипло-

мат, намеревался корректно попрощаться с российскими правительственные чиновниками. Перед его глазами и теперь еще стоит картина, как он по пути через двор проходит мимо разломанных с боков деревянных ящиков и успокоенно думает, что запланированное им ночное нападение на ящики с документами удалось осуществить, так сказать, в самую последнюю минуту. Он обязательно должен был получить в руки пару оригинальных документов российских правительственные инстанций, ведь он хочет представить наглядное подтверждение, что все копии, которые он сумел до этого купить за хорошую сумму в долларах у Евгения Семенова, русского журналиста из петроградской вечерней газеты «Вечернее время», являются копиями подлинников. И незадолго до его отъезда из Петрограда открывается счастливое обстоятельство — правительство хочет переехать в Москву. Не считают ли там, что германская Северная армия в Прибалтике продвинулась уже слишком близко к Петрограду? А вдобавок сообщения и слухи, что Людендорф все же хочет убрать правительство большевиков и захватить Петроград! Во всяком случае, пакуются вещи, и многие деревянные ящики с правительственные бумагами стоят во дворе Смольного, наготове к переезду в Москву. Это на редкость благоприятная возможность для Семенова и его людей, чтобы ночью взломать ящики и добыть себе оригинальные документы. Благоприятная и для Сиссона, и для Вашингтона.

28 марта группа путников после долгого авантюрного бегства через Финляндию уютно располагается за обеденным столом в Хапаранде. Радостно возбужденные удавшимся бегством, все чокаются друг с другом на счастье и пьют. Норвежского курьера Сиссон еще накануне, получив назад пакетик с секретными бумагами, с большой благодарностью проводил на вокзал и распрошался с ним у поезда на Христианию (Осло), столицу его страны.

Вечером 28 марта Сиссон и другие садятся в специальный вагон, заказанный послом США Моррисом и прицепленный к пассажирскому поезду на Стокгольм. 30 марта пополудни

ночной экспресс прибывает в шведскую столицу. Здесь они расходятся, отправляясь каждый по своим личным делам. Сиссон едет по железной дороге через Христианию до норвежского порта Берген, а оттуда на пароходе в Англию.

В Лондоне Сиссон пытается получить разрешение из Вашингтона оставить англичанам кое-что из своих материалов. Государственный департамент отказывает. Сиссон не понимает, почему. Он не задумывается и над тем, почему у англичан тоже имеются бумаги о германо-большевистском заговоре, аналогичные его бумагам.

25 апреля, незадолго до своего отъезда в Нью-Йорк, Сиссон отправляет тревожную телеграмму в Вашингтон, в которой рекомендует немедленно отзвать всех сотрудников Комитета по общественной информации, а также Красного Креста, которые еще находятся в России, т. к. после опубликования секретных документов в США следует считаться с жесткими репрессиями и арестами этих американцев со стороны большевиков.

6 мая, после пересечения на судне Атлантики, Сиссон прибывает в Нью-Йорк и без промедления садится в ближайший экспресс на Вашингтон, чтобы, наконец, представить свои секретные бумаги в Госдепартамент для дальнейшей передачи сенсации президенту. Но тут Эдгара Сиссона, специального представителя президента США, постигает нечто в высшей степени странное и неожиданное.

В Госдепартаменте Сиссон, горящий желанием обнародования и разоблачения, наталкивается на очень прохладную сдержанность. Сиссон не верит своим ушам, когда советник министерства Фрэнк Полк просит его высказать свое мнение о документах. Сиссон отказывается и заявляет, что документы говорят сами за себя, а ему нечего добавить к своему пояснению в меморандуме, приложенном к документам. Кроме одного: он хотел бы настаивать на немедленном опубликовании своей сенсации. Полк обходительно, но тщетно пытается объяснить Сиссону, что момент для публикации документов в психологическом отношении неблагоприятен, поскольку немцы на Западном фронте добились некоторого преимущества. Ког-

да они снова попадут в сложное положение, момент для разоблачений будет лучше, действенней. Сиссон вынужден сдерживаться.

9 мая 1918 г. президенту Вильсону передается оригинал доклада Сиссона, а копии документов и доклада отправляются в секретный сейф советника Полка. С этого момента в отношении документов Сиссона наступает абсолютная тишина. Их поставщик с течением времени постепенно превращается в историко-трагическую фигуру. Он, как Дон Кихот, начинает бороться с политическим ветром времени.

Сиссон не может подавить своего патриотизма и найти ему подходящее место в существующих политических условиях. Его антинемецкая позиция делает его все более брюзгливым, между тем как вокруг него ощущается так много патриотично-антинемецкого. Даже немецкая кислая капуста переименовывается в ресторанах в «капусту свободы», гамбургеры называют «стейками свободы», аспирин фирмы «Байер» бойкотируется, поскольку он происходит из Германии, Метрополитен-Опера вводит запрет на оперы Вагнера, а в холле одного нью-йоркского отеля появляется предупреждение: «Говорить на немецком здесь не разрешено».

Не объяснял ли Джордж Крель всем в Комитете по общественной информации, «что мы не должны больше терять ни дня. Наблюдающееся в России пораженческое настроение теперь распространяется по всей Европе. Мы должны донести картину Америки в войне до полос газет всего мира!»? Но Крель в данный момент ни в чем не возражает Госдепартаменту и Белому дому. Сиссон вне себя и затевает хитрое дело, которое обещает ему все же достичь цели и раструбить свою сенсацию о германо-большевистском заговоре на весь мир.

Это соответствует образу его личности, о котором патриарх американской дипломатии, знаток России и бывший посол в Москве, всемирно признанный историк Джордж Ф. Кеннан говорит: «Сиссон был резким, горячим человеком, малого роста и крепким, лопавшимся от энергии и от патриотического воодушевления. У него вполне могло быть душевное тепло, но по своей природе он не был внешне ни сердечным, ни обходи-

тельным. Один из тех, кто был в то время в Петербурге, называл его «горьким и язвительным». В отношении своего окружения он был чаще всего безличным и отвлеченным. Из журналистики он почерпнул безграничное любопытство, нюх на сенсационное, большую беглость выражения и блестящий литературный стиль. Недоверчивый и бдительный по натуре, он имел инстинктивное чутье на заговоры и интриги».

Однако неутомимость и терпение Сиссона, кажется, все же еще оправдывают себя. И позднее никогда не было точно установлено, какими путями и средствами Сиссону удается через 4 месяца побудить президента США сказать «о'кей» публикации документов. В Госдепартаменте царит волнение, когда Базиль Майлс, руководитель российского отделения, и Филипп Патчин, руководитель отделения секретных служб и информации, узнают о личной инициативе Сиссона.

Предпринимается попытка удержать Сиссона от его намерения в последнюю минуту. Но Сиссон остается непоколебим и лишь коротко объясняет, что уже через два дня, с 15 сентября, начнется публикация документов с продолжением в американской прессе.

Сиссон рассыпает копии документов бесчисленным газетным редакциям. Редакции газет получили материал с официальной подписью к печати Комитета по общественной информации (Committee on Public Information – CPI), правительенного информационного ведомства, и не имеют никаких оснований сомневаться в достоверности материала. То, что CPI – место службы самого Сиссона, не все могут знать. Теперь беда берет свой разбег. В том числе и для Сиссона.

Большинство газет печатают материал Сиссона, принимая его на веру, поскольку он исходит от официального ведомства. Но «Нью-Йорк Ивнинг Пост» начинает критиковать: подлинность документов подлежит сомнению, привлеченные редакцией специалисты нашли, что, например, такие названия в штампах, как «Большой Генеральный штаб» (Генеральный штаб вооруженных сил) и др. в момент написания писем, согласно указанным датам, больше не использовались. Круглой печати информационного бюро в такой форме и такой последовательности букв так-

же не было, список агентов из Владивостока, как ни странно, приводит имена, которые там больше не встречаются...

Кроме того, к пущему несчастью для Сиссона, посол США Пейдж из Лондона уже через 4 дня после начала публикации в американских газетах, 19 сентября, телеграфирует Госдепартаменту США: «Военное министерство, Форин Оффис, цензурное ведомство и Адмиралтейство здесь тщательно проверили материал и пришли к общему выводу, что документы, очевидно являющиеся подлинными, устарели и не имеют особого значения, а документы, которые могли бы иметь пропагандистское значение, сомнительного происхождения...»

Далее посол Пейдж сообщает из Лондона: основательное исследование со стороны британского почтового цензора показало, что документы, которые якобы исходят от различных инстанций, расположенных в сотнях километров друг от друга, напечатаны все на одной и той же пишущей машинке. И, кроме того, еще в одно и то же время. Нечего и говорить о различных подписях под документами, имеющих поразительно сходную графологическую структуру.

В эти дни конца сентября и октября главный интерес читателей американских газет все сильнее направляется на другие всемирно-политические события: их занимает, будет ли вскоре закончена война в Европе и вернутся ли мужья, сыновья и отцы живыми и здоровыми домой.

Эти понятные интересы вытесняют Сиссона из центра общественного любопытства. Для массы читателей американских газет не имеет значения, что два американских эксперта затевают серьезную проверку подлинности бумаг одного журналиста. Даже специалистам, в лучшем случае, приходится улыбаться, когда они, после специального расследования ученых — д-ра Дж. Франклина Джеймсона, директора отделения исторических исследований Института Карнеги, и д-ра Самюэля Н. Харпера, профессора русского языка и истории Чикагского университета, — всего через 7 дней узнают из экспертного заключения, состоящего как-никак из 2300 слов, лишь то, что эксперты не могут составить надежного заключения о предложенных им документах.

Об этом объявляется в конце ноября 1918 г., когда кайзеровская Германская империя просит перемирия, происходит германская Ноябрьская революция и германский кайзер вынужден отречься. Кого теперь еще интересует в США «германо-большевистский заговор» времен, слава Богу, завершившейся мировой войны?

Сиссон впутывается в продолжающийся годами спор о подлинности документов. Ему удается побудить своего шефа в CPI Джорджа Креля напечатать полностью все документы вместе с пояснительным текстом. И в 1919 г. в Швейцарии, в бернском «Свободном издаельстве» (Freier Verlag), издается немецкоязычная брошюра под названием «Германо-большевистский заговор» (Die deutsch-bolschewistische Verschwörung), где, как сообщается в выходных данных, представлены «70 документов об отношениях большевиков с командованием германской армии, крупной промышленностью и финансами, наряду с некоторыми фотографическими репродукциями». Издателем называется «Комитет по общественной информации Соединенных Штатов Америки».

Сразу же из введения читателю становится ясным отношение Сиссона к своим документам:

«Комитет по общественной информации (Committee on Public Information) публикует далее ряд документов, которыми обменивались, с одной стороны, германское кайзеровское правительство и российское большевистское правительство, а также, с другой стороны, сами большевики, затем доклад, который Эдгар Сиссон написал об этом и направил Джорджу Крелю.

Из этих документов вытекает, что теперешние руководители большевистского правительства Ленин, Троцкий и товарищи являются германскими агентами, что большевистская революция была подготовлена германским Генеральным штабом и финансирована германским Рейхсбанком и другими германскими денежными институтами.

Они демонстрируют далее, что Брест-Литовский договор является предательством русского народа со стороны германских агентов Ленина и Троцкого; что был избран указанный

немцами командующий для «защиты» Петрограда от немцев, что германские офицеры тайно принимались большевистским правительством в качестве военных советников, служили шпионами против миссий союзников России, назначались офицерами в российской армии и руководителями большевистской внутренней и внешней политики, а также военного дела. Короче, они демонстрируют, что нынешнее большевистское правительство является никак не российским, а германским правительством, которое работает исключительно в интересах Германии и обманывает русский народ точно так же, как оно обманывает естественных союзников России в исключительных интересах кайзеровско-германского правительства».

«КАК ОБМАНЫВАЛИ РУССКИХ РАБОЧИХ

Документы, наконец, доказывают, что большевистские вожди тем же путем и всегда в пользу германо-кайзеровских интересов предавали российский пролетариат, на представительство которого они претендуют.

Из около 70 документов многие существуют в оригинале и снабжены на полях пометками большевистских чиновников. Остальные являются фотокопиями оригиналов и также имеют пометки на полях. Они дополняются третьей категорией документов, состоящей из машинописных циркуляров, из которых, правда, лишь два имеются в оригинальной форме, но которые, вместе взятые, вписываются во всю совокупность германских интриг и германской вины».

Некоторые примеры из перечня документов, как они были опубликованы в швейцарской брошюре:

ДОКУМЕНТ № 1

Совершенно секретно. Народный комиссар по иностранным делам, Петроград, 16 ноября 1917 г.

Председателю Совета Народных Комиссаров.

Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров тов. Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, мы произвели следующее:

1. В архиве Министерства юстиции из дела об «измене» тов. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изъяли приказ германского Имперского банка № 7433 от второго марта 1917 г. с разрешением платить деньги тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России.

2. Были пересмотрены все книги банка Ния в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского Имперского банка № 2754. Книги эти переданы Мюллеру, командированному из Берлина.

Уполномоченные народного комиссара по иностранным делам Е. Поливанов, Г. Залкинд.

Однако циркуляр существует и гласит следующее:

Директива Рейхсбанка от 2 марта 1918 г. представителям всех германских банков в Швеции. Настоящим ставится в известность, что денежные требования с целью мирной пропаганды в России будут направляться через Финляндию. Они будут исходить от нижеследующих лиц: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Суменсон, Козловский, Коллонтай, Сиверс и Меркалин, для которых, согласно нашей директиве № 2754, открыты счета в агентствах частных германских деловых домов в Швеции, Норвегии и Швейцарии. Все эти требования должны иметь одну из следующих подписей: Диршай или Милькенберг. В случае наличия одной из этих подписей требования вышеупомянутых лиц должны выполняться немедленно.

7433, Рейхсбанк.

[Далее у Сиссона говорится:]

Я не обладаю ни копией, ни фотографией этого циркуляра, однако документ № 2, следующий далее, подтверждает его подлинность поразительным и абсолютным образом.

Документ № 2 является оригиналом сообщения, направленного представителем германского Генерального штаба большевистским вождям, чтобы предупредить их, что он недавно арестовал агента, который имел в своем распоряжении оригинал

приказа Рейхсбанка, упомянутый в документе № 1, и подчеркнуть, что, судя по всему, «не были своевременно принятые меры для уничтожения означенных документов». Документ № 2 подтверждает подлинность документа № 1.

ДОКУМЕНТ № 2

[Большой] Генеральный Штаб, информационное бюро, секция R.

№ 292. Секретно, 12 февраля 1918 г.

Г-ну Председателю Совета Народных Комиссаров.

Разведочное Отделение имеет честь сообщить, что найденные у арестованного кап. Коншина два германских документа с пометками и штемпелями Петербургского Охранного Отделения, представляют собою подлинные приказы Имперского банка № 7433 от 2 марта 1917 года об открытии счетов гг. Ленину, Суменсон, Козловскому, Троцкому и другим деятелям на пропаганду мира, по ордеру Имперского банка за № 2754.

Это открытие доказывает, что не были своевременно приняты меры для уничтожения означенных документов.

За Начальника отделения [подпись] Р. Бауэр

Адъютант [подпись] Букгольм.

ДОКУМЕНТ № 3

В.К. (Комиссариат по военным делам.) Д. № 323. Два приложения.

ПРОТОКОЛ.

Сей протокол составлен нами 2 ноября 1917 года в двух экземплярах в том, что нами с согласия Совета Народных Комиссаров из дел Контрразведочного Отделения Петроградского Округа и бывш. Департамента Полиции, по поручению Представителей Германского Генерального Штаба в Петрограде изъяты:

1. Циркуляр Германского Генерального Штаба за № 421 от 9 июня 1914 г. о немедленной мобилизации всех промышленных предприятий в Германии и

2. Циркуляр Генерального Штаба Флота Открытого Моря за № 93 от 28 ноября 1914 г. о посылке во враждебные страны специальных агентов для истребления боевых запасов и материалов.

*Означенные циркуляры переданы под расписку в Разведочное
Отделение Германского Штаба в Петрограде.*

Уполномоченные Совета Народных Комиссаров:

*[подписи] Г. Залкинд, Е. Поливанов, [следующая подпись не-
разборчива, но может принадлежать Мехонюшину], А. Иоффе.*

*Означенные в настоящем протоколе циркуляры №№ 421 и 93,
а также один экземпляр этого протокола получены 3 ноября 1917 г.
Разведочным Отделом Г.Г.Ш. в Петербурге.*

Адъютант [подпись] Генрих.

[...]

ДОКУМЕНТ № 9

Рейхсбанк № 8, Берлин, 12 января 1918 г., строго секретно.

Комиссару по иностранным делам

Я уполномочен передать согласие Рейхсбанка относительно выплаты 5 000 000 рублей со счета Генерального штаба с целью направления заместителя комиссара по морским делам Кудряшова на Дальний Восток. Прибыв во Владивосток, он должен найти намеченного офицера российского флота Панова и проинструктировать Буттенгофа и Штауфахера, знакомых Панову, о его посещении.

Вышеназванные агенты приведут с собой господ Эдварда Шиндлера, Вильгельма Кеберлейна и Пауля Дице [или Деце].

Необходимо разработать с этими лицами план по отправке японских и американских военных материалов из Владивостока на Запад. Если это окажется невозможным, они должны проинструктировать Дице [или Деце] и его агентов об уничтожении складских помещений.

Шиндлер должен связать Кудряшова с китайскими агентами в Никольске. Эти лица должны получить выделенные суммы и отправиться в Китай, чтобы поднять восстание против Японии.

[подпись] Представитель Рейхсбанка:

Г. фон Шаниц.

Примечание.

Если этот план был выполнен до конца, то это произошло не благодаря Кудряшову. Он был убит через две или три недели при

проезде через Сибирь, и сообщают, что его убийцы, два казака, отняли у него крупную сумму денег, которую он имел при себе. Многие германские агенты, упоминаемые в этом письме, действовали в Сибири еще весной, как показывает документ № 29. У меня имеется фотография этого письма.

[...]

ДОКУМЕНТ № 11

Рейхсбанк № 12, 378. [Печатный циркуляр на русском языке.]

Совещание Представителей Германских Коммерческих Банков, созванное по предложению германской делегации в Петербурге Дирекцией Имперского Банка для обсуждения резолюций Рейнско-Вестфальского промышленного Синдиката и Гандельстага.

28 декабря 1917 г., Берлин.

1. Аннулируются все займы, облигации коих, находящиеся в руках германских, австрийских, болгарских и турецких держателей, подлежат, однако, реализации российским казначейством после заключения сепаратного мира в течение 12-месячного срока.

2. Допускается покупка всех русских государственных фондов и дивидентных бумаг представителями Германских Банков по курсу дня в вольной продаже.

3. После заключения сепаратного мира, по истечении 90-дневного срока, восстанавливаются все акции частных железнодорожных обществ, металлургических предприятий, нефтяно-промышленных компаний и химико-фармацевтических заводов.

Примечание. Котировку таких акций принимают на себя биржи Германии и Австро-Венгрии.

4. Упраздняются и в течение пяти лет со дня мирного договора между Россией и Германией не допускаются английский, французский и американский капиталы в следующие предприятия: каменноугольные, металлургические, машиностроительные, нефтяные, химические и фармацевтические.

5. По вопросу о развитии в России каменноугольной, нефтяной и металлургической отраслей промышленности учреждается высший совещательный орган в составе 10 специалистов от России и 10 от германских промышленных организаций и германских и австрийских банков.

6. Российское Правительство не должно вмешиваться в об-
ласть вопросов, связанных с отчуждением в пользу Германии двух
горно-промышленных округов в Польше — Домбровского и Олькуш-
ского, и в пользу Австро-Венгрии — нефтяного района в Галиции.
Отчуждение последнего понимается лишь в форме ограничения
права заявок, отводов и приложения капитала к добыче и обра-
ботке нефти.

7. Германия и Австро-Венгрия пользуются неограниченным
правом ввоза в Россию своих техников и квалифицированных ра-
бочих.

8. Другие иностранные техники и рабочие в течение пяти лет
после заключения мира с Германией вовсе не должны быть допус-
каемы.

9. Статистический Отдел добывающей и обрабатывающей
промышленности при соответствующем правительственном
органе должен контролироваться германскими специалистами.

10. Частные банки в России возникают лишь с согласия и по
плану союза германских и австрийских банков, причем котировка
банковских акций на всех биржах Старого и Нового Света прини-
мает на себя группа Дойч-Банка.

11. В портах Петербурга, Архангельска, Одессы, Владивосто-
ка и Батума учреждаются под руководством специалистов из
Германии особые статистико-экономические комитеты.

Что касается таможенной, железнодорожной тарифной по-
литики для урегулирования русско-германо-австрийских торго-
вых отношений, то эта сторона экономического договора обсуж-
дается особым Тарифным Советом при Гандельстаге.

[Подписи:] Председатель: фон Гвиннер; секретарь: Беренблит.
[...]

ДОКУМЕНТ № 23

Генеральный штаб морского флота, № 85, 14 января 1918 г.

Строго секретно.

В Совет Народных Комиссаров

Согласно инструкциям командования германского морского
флота, переданным мне сегодня по радио А., я обращаюсь к Рос-
сийскому правительству с предложением принять меры к достав-

ке в Тихий океан трех наших подводных лодок в разобранном виде по железным дорогам. По завершении мирных переговоров и подписании мира между Россией и Германией эта транспортировка должна быть произведена немедленно, причем после окончания войны оттранспортированные суда останутся в распоряжении Российского правительства.

Капитан-лейтенант Руд. Миллер».

Таковы некоторые выдержки из документов Сиссона.

Какова же фамилия капитан-лейтенанта — Миллер или Мюллер, существует ли он в действительности, имеется ли Генеральный штаб морского флота или же Адмиралтейский штаб, могут ли или должны ли три «разобранные» немецкие подводные лодки транспортироваться по очень протяженной Транссибирской железной дороге? Не звучит ли все это как сказка из «Тысячи и одной ночи»? Быть может, такие неувязки не могли быть оценены тогда с той же абсолютной уверенностью, как сегодня. А для посторонних, возможно, и не так просто определить, существовал ли еще вообще в момент написания письма шифр БГШ (G.G.-S., т. е. «Grosser General-Stab») и не является ли подпись капитан-лейтенанта Миллера-Мюллера лишь немножко или целиком сфальсифицированной.

Об использованной в документах Сиссона подписи определенного германского офицера разведки, хорошо известного и в секретном отделении III штаба Верховного командования на Востоке, однозначный ответ дает сам этот человек. Этот обер-лейтенант, штабс-ротмистр и т. д., награжденный кайзером Рыцарским крестом и столь подробно и вразумительно отвергший предложение об убийстве Ленина за 20 000 марок, вояка-разведчик Рудольф Бауэрмейстер (в документах фамилия указывалась и неверно — Байермейстер) насмешливо рассказывает, как позднее его германское ведомство попросило у него разъяснения по поводу его подписи под одним из документов Сиссона, где говорится о якобы имевшей место встрече Бауэрмейстера с Лениным в Кронштадте:

«Над тем, что мне там открыли, я вынужден был от души посмеяться.

Правительство Соединенных Штатов получило в свое время не только «надежные» сообщения об этой мнимой встрече, но даже и «оригинал документа» о предстоящих акциях сабо-тажа против американских предприятий в России с подписями Ленина, Троцкого, Иоффе и моей. Указанный чиновник представил мне фотографию документа. Общеизвестные подписи Ленина и Троцкого было, конечно, нетрудно сфальсифицировать. От Иоффе, который был первым большевистским послом в Германии, сохранились многие подписи в Министерстве иностранных дел. Сравнение этих подлинных подписей с подписью под «протоколом» показало со всей очевидностью, что здесь была представлена фальшивка.

От меня же данный американский «агент-провокатор», который за протокол наверняка положил в карман хорошие деньги, при всем желании подписи получить не мог. Поэтому он сфальсифицировал ее наугад. Она не имела ни малейшего сходства с моей подписью.

Я мог с чистой совестью сказать под присягой, что, во-первых, моя подпись сфальсифицирована и, во вторых, я ни в июле 1917 г., ни вообще когда-либо во время войны не был в Кронштадте.

Но как старый офицер-разведчик я был все же очень удивлен детской наивностью, с которой американское ведомство — конечно, за хорошие деньги — могло приобрести этот документ.

Как мог я в разгар войны попасть в строжайшим образом охраняемую крепость Кронштадт, которая к тому же находилась на острове Котлин? Для этого мне пришлось бы надеть шапку-невидимку. А Ленин? Разыскиваемый правительством Керенского для ареста, Ленин скрывался в Финляндии. Не позднее, чем через пять минут после прибытия в Кронштадт, его бы опознали и арестовали. Поэтому логически мыслящий человек может только от души посмеяться над этой чрезвычайно неуклюже выдуманной встречей и посочувствовать тем, кто еще сегодня верит в этот бульварный роман».

Но кто же сфабриковал этот «бульварный роман»? След ведет к известному трио обманщиков и фальсификаторов, почу-

явшему большие возможности в запутанные годы войны и переломов. Фабрикация горячих документов находится в руках польского русского или русского поляка Фердинанда Антонио (в России – Антон Мартынович) Оссендовского. Этого Оссендовского за его очень неправдоподобные приключенческие книги об азиатских и африканских странах позднее назовут «польским Карлом Маэм». Сенсационные для американских и западноевропейских читателей приключения Фердинанда Оссендовского в Сибири, Монголии и Китае были изданы огромными тиражами на 28 языках. Из-за написанных в этой связи «сказок» всемирно известный исследователь Азии и путешественник швед Свен Гедин вступил в длительный международный спор со склонным к фантазиям описателем путешествий Оссендовским. – Второй в кругу поставщиков документов, Евгений Петрович Семенов-Коган (известен также как Кон), во времена Сиссона, в 1917–1918 гг., является соиздателем и редактором уже упоминавшегося бульварного листка, вечерней газеты «Вечернее время» в Петрограде, которая пользуется репутацией прежде всего скандального листка столицы. Сотрудники в основном являются сторонниками политики Керенского и настроены против Ленина и новых большевистских правителей.

Третий в сомнительной тройке, полковник-телеграфист в Смольном Самсонов, находится в ее центре как мощная упряженная лошадь. Его возможности по прослушиванию телеграфных и телефонных линий между правительством в Петрограде и правительской делегацией под руководством Иоффе и Троцкого на многомесячных переговорах в Брест-Литовске создают костяк для текстов документов. При ненасытной жажде трофеев у германской стороны и стойких попытках русских не отдать всего многие детали проходят через телефонные провода и телеграфный аппарат. Самсонов может преподнести почти все, на что его уговаривает Семенов. А тот, в свою очередь, внимательно прислушивается к тому, на что, как кажется, особенно падок американский спецдипломат Сиссон...

Оссендовский является духовным лидером группы фальсификаторов, он имеет достаточный опыт для их затеи. После учебы в Санкт-Петербургском университете и изучения техни-

ко-научных дисциплин в парижской Сорbonne он как инженер отправляется на Дальний Восток. Там в Харбинской тюрьме и в некоторых других закрытых прибывающих России у него было много времени для чтения и учебы, т. к. в период Революции 1905—1906 гг., при восстании в Харбине, он возглавлял революционный комитет Китайско-Восточной железной дороги. После своего освобождения он отправляется в качестве инженера на Украину, а затем снова возвращается в Санкт-Петербург. Здесь он правдами и неправдами пробивается в журналисты, опубликовав книгу о своем тюремном опыте под названием «Человеческая пыль».

Незадолго до начала войны он пытается инсценировать в газете широкомасштабную кампанию шантажа против немецкой фирмы «Кунст и Альберс» из Владивостока, которую обвиняет в шпионаже в пользу немцев. Он требует огромной взятки, обещая взамен тотчас прекратить кампанию в прессе. Он обвиняет и германского консула во Владивостоке Адольфа Даттана в том, что тот создает для немцев дальневосточную шпионскую сеть. Основываясь на своих дальневосточных воспоминаниях, он указывает имя Даттана, фирму «Кунст и Альберс» и даже имя Панова, прежнего градоначальника Владивостока, в сфальсифицированном для Сиссона документе. Последний фигурирует в швейцарской брошюре «Германо-большевистский заговор» как документ № 29. С началом войны он еще быстро публикует в духе времени книгу под названием «Дальневосточный паук».

Познакомившись в вечерней газете с Семеновым, он уже через неделю после ленинской Октябрьской революции предлагает ему план, как им выбить из представителей западных держав в Петрограде целых 50 000 рублей за информацию отайном германо-большевистском сотрудничестве. Некоторые страницы своих фальшивок он уже напечатал в антибольшевистских казачьих газетах Донской области, в частности в газете «Приазовский край». Из них должно вытекать, что германский Генеральный штаб вооруженных сил спланировал Октябрьскую революцию и немцы финансировали все это предприятие.

Семенов соглашается с ролью, отведенной ему, — предлагать, передавать и служить курьером. Дело по продаже документов, кажется, начинается хорошо, и Семенов предлагает документы французскому и британскому посольствам. Французы и особенно британские офицеры секретных служб испытывают при экспертной оценке предложенных документов первые сомнения в подлинности предоставленных им бумаг. Посол США Фрэнсис и ставший тем временем подполковник Раймонд Робинс из руководства американской миссии Красного Креста также питаю скептицизм в отношении представленных им фотокопий мнимых секретных документов. Лишь Эдгар Сиссон, специальный представитель президента США, безоговорочно верит в подлинность печатных материалов — поскольку хочет в это верить. Его безмерное честолюбие, глубоко патриотичное сознание и жажда блеснуть перед своим президентом и всем миром уникальной сенсацией закрывают ему глаза на необходимость тщательной проверки сфотографированных печатных материалов.

После первых контактов Семенова с Сиссоном Оссендовский чувствует жадность американца к материалам против немцев, а в этой связи — также против Ленина, Троцкого и их людей.

В Петрограде все давно говорят, что немцы помогли большевикам с их революцией миллионными суммами. К данному моменту, в эти январские и февральские дни 1918 года, об этом знает каждый хоть сколько-нибудь политически заинтересованный и информированный человек. Но — ни у кого нет в руках письменных доказательств. Тайком переписанные Самсоновым тексты с телеграфной ленты выглядят в этом смысле не очень соблазнительно. Такого рода телеграммно-ленточный салат не принесет больших денег. Значит, нужны печатные материалы.

Эти материалы всегда составляются Оссендовским и Самсоновым из трех компонентов. Ядро текста состоит из информации с подслушанных или украденных Самсоновым телеграмм. Это не представляет трудностей. Но дополнительно текст должен быть снабжен штампом отправителя с необходимыми пе-

чатными или машинописными данными о ведомстве, его местонахождении и с точной датой. И, в-третьих, необходимы фотокопии подписей отправителей или их аккуратное воспроизведение от руки.

В этой части работы при фабрикации официальных штампов отправителей, подписей и печатей перед Оссендовским и Семеновым возникают большие сложности, т. к. у них нет необходимых образцов. К ним они не имеют доступа, и им приходится импровизировать и выдумывать, допуская при этом одну ошибку за другой.

Ввиду этих косметических ошибок эксперты среди англичан и американцев начинают испытывать недоверие. Сиссон — нет. Поэтому он и не понимает совершенно для него неожиданную сдержанность Госдепартамента, Белого дома и президента, когда он после многонедельного авантюрного, опасного и утомительного бегства, наконец, кладет свою сенсацию на стол в Вашингтоне.

Ленин, Троцкий, Каменев, Радек, Гельфанд, Ганецкий-Фюрстенберг, Коллонтай, Суменсон, Козловский — все они связаны с подготовкой революции в России, с поездкой Ленина через Германию и с большими деньгами еще и после революции. Это к концу войны доказуемо почти документально. Но их фамилии в сфальсифицированных бумагах Сиссона бездоказательны, ведь они очень дилетантским способом «припленены» к бесчисленным документам.

Даже при нападении на «ящики с документами» во дворе Смольного Сиссона обманули. Сиссон жаждет иметь больше оригиналов бумаг, ведь Семенов представлял до сих пор почти одни фотокопии, не уверенный, что американец не сможет распознать фальсификацию. Сиссон хочет обязательно представить в Вашингтоне оригиналы. И тогда Семенов поставляет оригиналы, а Оссендовский приходит к идеи внушить красным матросам, занятым в Смольном погрузкой ящиков для переезда при хаотичной эвакуации большевиков в феврале 1918 г., что в ящиках находится золото. Матросы взламывают крышки и разочарованно оставляют ящики открытыми, найдя только документы. А Сиссон, увидев взломанные ящики с документа-

ми, тотчас убеждается в подлинности своего источника, а тем более самих бумаг. Теперь ему самому верится в то, что это он навел Семенова на идею со взломом ящиков с документами.

Сиссон мог бы избавить себя от бегства со своими фальшивыми документами и от хлопот в последующее десятилетие своей жизни, когда он спорил с Богом и со всем миром, желая доказать, что его документы все же подлинные, — настоящей его трагедией является то обстоятельство, что его фальшивые документы по своему содержанию все-таки в общем и целом возвещают историческую правду.

Образ Сиссона, отличающегося необузданным честолюбием, превращается в картину политico-невротической болезни. Акты его многолетней и обширной оправдательной корреспонденции все больше и больше становятся для историков историей болезни трагической личности. Документы по делу Сиссона, хранящиеся в Национальном архиве в Адельфи Роад Колледж Парк, штат Мэриленд, США, в ближайшем соседстве с местом его жизненного разочарования — Вашингтоном, дают об этом подробный отчет.

По-человечески чуткое и справедливое суждение американского дипломата, историка и философа Джорджа Ф. Кеннана о «документах Сиссона» попадает в самую точку трагедии: частично или полностью сфальсифицированы в деталях — но содержание бумаг соответствует действительности. Неоспоримые доказательства этого тезиса Кеннана благополучно лежат в германских архивах.

Политическая неловкость при обращении с разоблачительными бумагами Сиссона еще десятилетиями бытует в американском политическом истеблишменте. Ничто не иллюстрирует лучше это отсрочивание, откладывание в сторону и отбрасывание более наглядно, чем длинный пыльный след, который тянется из сейфов и бронированных шкафов через президентские, административные и подвальные помещения Вашингтона.

До последнего десятилетия XX в. не удается установить, почему президент Вильсон не возвращает переданные ему в большой картонной обложке оригиналы документов, однажд-

ды попавшие в его руки, несмотря на неоднократные просьбы шефа своего Комитета по общественной информации Креля и его заместителя Сиссона. После того как Вильсон в 1921 г. покидает Белый дом и оставляет его своему преемнику Гардингу, оригиналы документов Сиссона «исчезают», их попросту больше невозможно найти. Говорят, что Вильсон, очевидно, взял их с собой. Обстоятельство, которое, в конечном итоге, видимо, привело к завершению официального расследования о подлинности бумаг.

Тем временем дело, сильно разросшееся в результате обширной корреспонденции о перепроверке, и фотокопии документов оказываются в большой картонной папке, которая официально хранится более полутора десятилетий в восточноевропейском отделении Госдепартамента. В 1937 г. отделение внезапно ликвидируется, а часть дел уничтожается или перераспределяется. Папка с документами Сиссона направляется в европейское отделение. Там в это время не знают, что с ними делать, и отправляют картонку в отделение сообщений и докладов. В январе 1940 г. один чиновник в кабинете № 476 этого отделения неожиданно натыкается на находку и рекомендует — поскольку тоже не знает, что с этим делать, — возвратить все опять в европейское отделение. Более чем за дюжину лет, в т. ч. годы Второй мировой войны, не имеется указаний на то, что происходит с картонкой. Следующая отправная точка обнаруживается в отдаленном помещении № 2410, в пристройке З исторического отделения Госдепартамента. Затем, 7 января 1955 г., картонка со всеми копиями, наконец, оказывается в отделении иностранных дел Национального архива в Вашингтоне.

Но куда же девались «оригинально-фальшивые документы» Сиссона? Загадка исчезновения этой большой картонной папки внезапно проясняется через десятилетия самым прозаичным образом. Когда команда 33-го президента США Гарри С. Трумэна в 1953 г. освобождает частные и служебные помещения Белого дома для преемника Дуайта Д. Эйзенхауэра, один сотрудник группы перевозки находит в своем сейфе «унесенную ветром» со времени пребывания у власти 28-го президента США

Вудро Вильсона, с 1921 г., большую папку с оригиналами документов Сиссона. В этот момент бушует ожесточенная Корейская война, и никто в Белом доме никак не заинтересован в устаревших к тому времени документах Сиссона. Открыватели большой картонной папки с бумагами отправляют все в секцию юстиции и исполнительной власти отделения законодательной власти, юстиции и дипломатических докладов в Национальном архиве. Здесь оригинально-фальшивые документы сохраняются для потомства.

Можно ли считать, что теперь Эдгар Сиссон совершенно покрыт исторической пылью забвения? Этот человек, гонимый стремлением к оправданию и жаждой быть правым, еще раз, в 1931 г. опубликовав книгу своих мемуаров, пытается предстать в подлинном историческом свете, велит напечатать на титульном листе под фамилией автора, еще и свой прежний титул «специальный представитель президента Вильсона в России» и принимается свойственными ему гордыми словами рассказывать еще раз все сначала:

«Президент Вильсон приказал мне 23 октября 1917 г. отправиться в Россию. Я отбыл на судне из Нью-Йорка в субботу, 27 октября, и прибыл 25 ноября в Петербург.

Мои рекомендательные письма были адресованы премьер-министру Керенскому и членам его кабинета; у меня были далеко идущие полномочия, еще более обширные ввиду моей возможности распоряжаться денежными средствами...»

Итак, Сиссон тоже прибывает в Россию с денежными средствами. Но он появляется слишком поздно. Через 20 дней после того, как Керенский бежал из Петрограда. Через 20 дней после революции Ленина и захвата им власти, оплаченных немцами, ход истории делает адресата Керенского недосягаемым для Сиссона.

Сравнительно скромные денежные средства, уплаченные Сиссоном Оссендовскому, Семенову и полковнику Самсонову, становятся самой крупной ошибочной инвестицией его жизни. Напротив, деньги немцев вызовут еще многие будущие «чудеса». — Правда, ими ведь были вложены миллионы.